

ВОЗДАЯНИЯ ЗДЕСЬ РЕДКИ...

СТИХИ

Константин КОМАРОВ

Константин Маркович — поэт, литературный критик, литературовед — родился 15 марта 1988 года в Свердловске. Кандидат филологических наук.

Публиковался во многих литературных журналах. Автор нескольких книг стихов и сборников литературно-критических статей и рецензий.

Постоянный участник Форума молодых писателей «Липки» (2010–2023). Член Союза российских писателей, Союза писателей Москвы, Русского ПЕН-центра. Победитель «Филатов-феста» (2020). Лауреат премии «Восхождение» (2021). Финалист многих литературных премий, в т. ч. Премии им. П. Бажова. Лауреат премий журналов «Нева», «Урал», «Вопросы литературы», «Бельские просторы».

Живёт в Екатеринбурге.

* * *

Вот поэт идёт за водкой в «Дикси» —
это ли не тема для стиха:
крутятся в мозгу цветные диски,
жаркие вздуваются меха.

Ветер приземлённый, но ретивый
под ноги бросается ему,
но идёт он — в свете перспективы —
на огни, бодрящие тьму.

Ветхую сетчатку прошивая,
измочален, бледен и колюч,
словно шаль цыганская, шальная,
мечется фонарный утлый луч.

Дыма бесприютного останки
поглощает воздуха река,
а по ней — картонные, как танки —
движутся больные облака.

Но пятном по волглой мгле белёсой,
сам себя встречающий везде,
ты плывёшь, почти что бестелесен,
к беспощадной огненной воде.

* * *

Додымил чинарик,
пухнет голова,
ночью сочиняя
сочные слова.

Амфора метафор
треснула от форм,
светом замечает
фонарей фарфор.

Землю снега ряса
выжгла добела,
звёзд дроблёных раса
небо обжила.

Делаю помарки
и тяну тире,
молча иномарки
дремлют на дворе.

Нищие синицы
воду пьют с лица.
Вещие зеницы
закрываются.

* * *

Напрягать кадык,
строчками кадить.
Получил под дых —
и давай катись.

По богам беги,
по воде води,
только не солги
и не осуди.

И вернись домой,
где, как новый дом,
храм висит хромою,
разодетый в хром.

* * *

К полночи истёкший лимфой,
сном засыпь тугую глубь,
зафиксированный рифмой,
словно камерой в углу.

В бытии закончить, в быте ль —
ты уже на всё горазд,
но с утра воды водитель
ко зрачкам её подаст.

Сполоснёшься и затынешь
песню лямочную гнуть,
старым воздухом затаришь
распатроненную грудь.

То ли Летов, то ли Визбор —
неразборчива стена.
Ты зывал, зывал и вызвал —
получай теперь сполна.

* * *

Киркою крика прорубив
путь сквозь горячечную гречку,
я утопил, как в проруби,
страсть к дорогому человечку.

И, на разломе разомлев,
весь в обморок ушёл и вызнал,
как ходят сотни юных дев
на злых протезах протеизма.

* * *

Так, застыв на лестнице покаятой
и застав добро, придя ко злу,
ловишь, как отстроенный локатор,
лектора молчанья каждый звук.

Мир расписан комиксами «Марвел»,
пятеро остались вчетвером.
Вот и дышишь сквозь тугую марлю,
скрашенную Главным Маляром.

В небесах мерцает точкой птичка —
малое земное божество.
Время, как пространство, эллиплично,
меньшинство уходит в большинство.

Свет — во избежанье распознания —
накрывает траурный чепец.
Слов не остановишь расползанье,
разве запилить пустой постец.

Пережги в себе пережитое,
пережди, оставшись на ножах
с надобностью самую простою —
ужинать и вечность унижать.

* * *

Воздаяния здесь редки —
успокойся и не борзей.
Я засел у большой реки,
только трупы плывут — друзей.

Время рухнуло птицей Рух,
стёртым строем прошли войска,
истончённый весельем дух
навострилась точить тоска.

Прогоревшего света тьма,
первый снег перьевого от крыл.
Всё горя от того ума,
что путь к мудрости не открыл.

Нет, не вредно принять вердикт
откипевшего молока.
И другой на меня глядит,
как собака на облака.

* * *

В голове слова плывут попарно,
словно титры в стареньком кино.
На бумаге — собрано сопрано,
гóлоса прозрачное панно.

Впитывай, выпытывая звуки,
спрятанную ими немоту,
содержанье сдержанной науки,
массу мяса подавив во рту.

Совершай, направленный впервые
воробьиным выбором пшена,
лёгкие движенья перьевые,
кои заглушает тишина.

Вытащены из огня каштаны,
чёрствых стрелок помягчел тиран.
Засыпай, глашатай голоштаный,
в чистом поле, убранном в буран.

За барханы бархатные духа
уходи, подёрнутые мглой.
И молись, чтоб утреннее ухо
это эхо различить смогло...

* * *

Половинчатый скрип половичный
произносится траурным ртом,
как наждак, нас дождавшийся лично
между строк Антонена Арто.

В этом доблести мало гражданской,
столик стоиком занят уже,
но пока можешь ждать и дождаться —
отчего-то тепло на душе.

И, отплыв на немного саженой
от охотничьей хтони зеркал, —
к утопленьям готов и сожженьям,
потому что своё отсверкал.

Но, с утра ненавязчиво бреясь,
подлость полностью всю осознав,
вновь впадаешь в незримую ересь,
измеряя её не со зла.

Крона воды вырастает из крана
(дрожь зарожденья с иной не сличить).
Грома гормон запускает искра, но
тихим свеченьям учись у свечи.

О, галереи зарёванных зарев,
злые галеры полуночных трасс!
В русло сознания вросло наказание,
что безопасно, как боезапас.

Кто наверху терпит и не торопит,
тот нам велел потерпеть и внизу.
Так же, как Путь искривляют дороги,
взгляд из окна искривляет слезу.

Голос мой, произнесённый, пронзённый,
только напишешь — напыщенно врёт.
Здесь, где дворцы замещают промзоны,
воздух иным возвращается в рот.

В мире рассудочном и расчудесном
не объявляй обновленья. Замри.
И предоставь новоявленным песням
биться о рыхлое рыло земли.

В предощущенье финального слома
гаснет тефлон и молчит телефон.
Но занимается в горле солома:
знает огонь, что ещё в теле — он.

И учащённое сердце так редко
бьётся волной об аорты гранит.
И удалённый маяк сигареткой
в небо своё одиноко дымит.